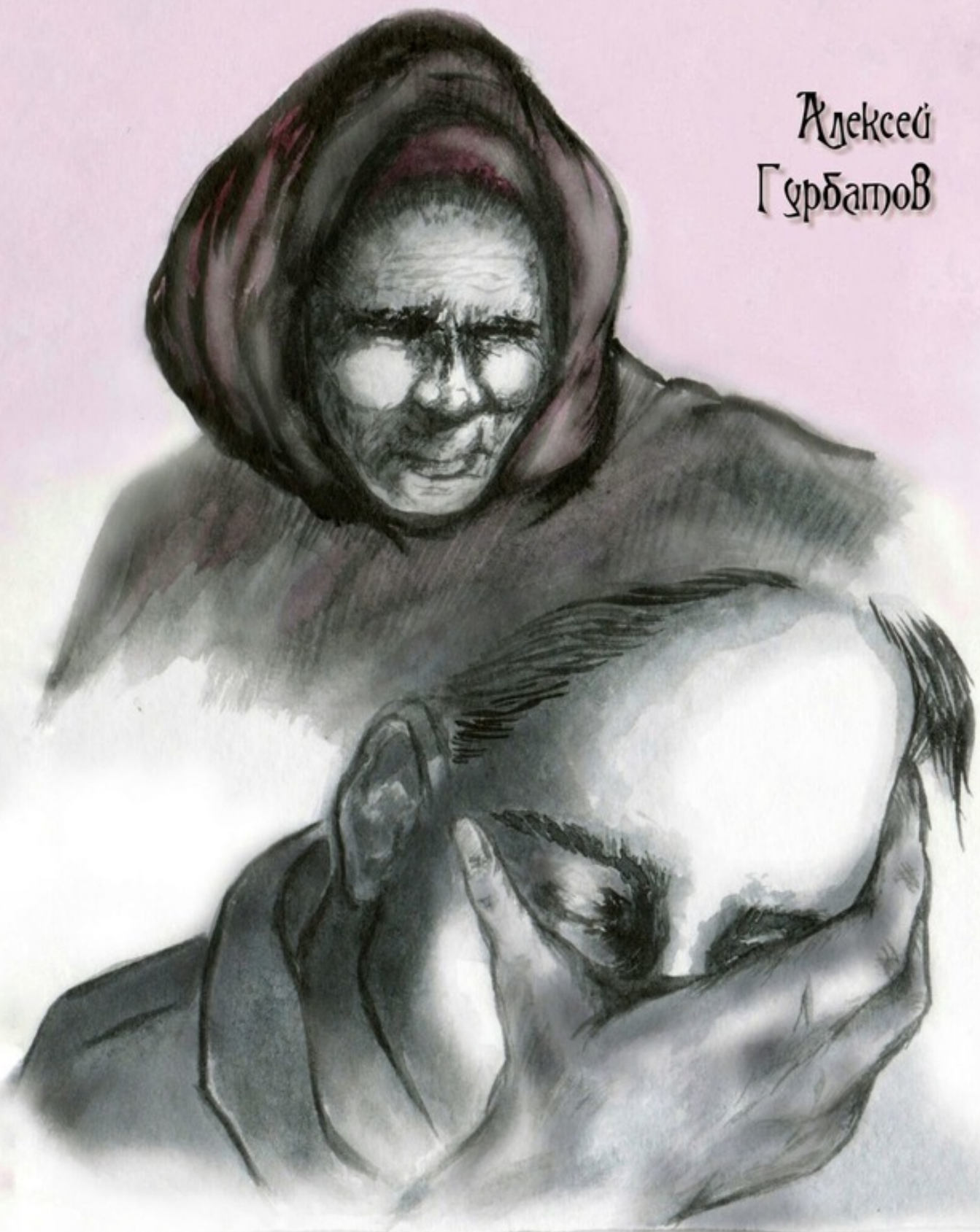

Алексей
Гурбанов

СТАКАН ВОДЫ

Алексей Гурбатов

Стакан воды

«Издательские решения»

Гурбатов А.

Стакан воды / А. Гурбатов — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-960323-4

Это правдивая жизненная история, которая пронизана всего одним вопросом — могут ли слова мамы стать пророческими? Вы узнаете из книги «Стакан воды».

ISBN 978-5-44-960323-4

© Гурбатов А.
© Издательские решения

Стакан воды

Алексей Гурбатов

Художник Мария Хазова

Редактор Светлана Суркова

© Алексей Гурбатов, 2018

ISBN 978-5-4496-0323-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Ты для других живёшь на свете
И, забывая про себя,
Как будто в зной прохладный ветер,
Сдуваешь словом тяжесть дня.
Душа твоя неизмерима.
Глаза, как тёплый океан.
И сердце больше всего мира,
А светлый разум Богом дан.
Тебе к лицу твои седины.
Морщины только молодят.
Черты твои неотразимы,
А речь – ученье для ребят.
Ты словно ангел нежно-белый,
Ты точно с Неба Божество,
Своей надеждою и верой
Способна созидать добро.
Любовь твоя, как купол Храма,
Неописуема больша.
Я так горжусь тобою, мама,
Что жить умеешь не греша!

Урал. Октябрь. Обычный день, единственная отрада которого в том, что он солнечный. Большинство сидельцев не решаются без надобности покидать барак – на улице ветрено. А я иду по асфальтированной аллее с расстёгнутой верхней пуговицей на телогрейке, всем телом ощущая дыхание Севера. Но мне не холодно. Меня греет мысль о встрече с любимым, родным человеком.

В специально отведённое здание для длительных свиданий я зашёл последним, желая чуть раньше положенного увидеть маму через полупрозрачное стекло разделительного ограждения. Впереди ещё длительный обыск и тот, мимолётный взгляд на дорогого человека помогает скоротать долго тянущиеся минуты ожидания встречи.

Нет, не повезло. Не увидел.

«Наверное зашла в комнату обыска» – подумалось мне.

Я сделал первые шаги по лестнице, ведущей на второй этаж, где в казённой комнате с двумя кроватями (односпальной и двухспальной), холодильником из далёкого прошлого, деревянной вешалкой, спрятавшейся за дверь с облупившейся белой краской, кухонным гарнитуром местного производства, состоящего из одного навесного и одного напольного шкафов со скрипучими, отваливающимися дверцами, четырёх неудобных табуреток с круглыми сиденьями и на трёх ногах (идея эка-дизайнера), гибридом видеомагнитофона и телевизора с маленьким экраном, узким проходом между кроватями, ведущему к большому, квадратному окну, от которого зимой неимоверно холодно, а летом очень жарко, запахом еды, табака, слёз и секса, впитавшимся в стены, на девяти квадратных метрах предстояло прожить мне и маме следующие три дня, разговаривая обо всём.

– Лёха, Лёха! Закинь вещи в четвёртую и спускайся сюда. Твоей маме плохо, – встревоженным голосом крикнул мне дневальный комнаты для свиданий.

Мгновение я не мог понять, что следует делать. Остановился. Туплю. Сердце начало бешено биться, а мозг отдал команду бежать.

Я, как вихрь, ворвался в нашу комнатушку, бросил на кровать взятые с собой вещи и три синие астры, специально выращенные для мамы в горшке на подоконнике отряда, и мухой вылетел обратно.

Два лестничных пролёта до комнаты обыска я преодолел в несколько прыжков и без стука открыл дверь в досмотровое помещение...

1.

27 апреля, в далёком 1938 году, на южном берегу озера Иссык-Куль в многодетной семье родилась моя мама – Гурбатова Валентина Семёновна. Она стала последним, одиннадцатым ребёнком. К несчастью, один братик умер от пневмонии в годовалом возрасте, а одна из сестёр-двойняшек при родах. Таким образом, в семье Семёна Иващиченко осталось девять детей – семь девочек (Нюра, родившаяся ещё в царской России, аж, в 1915 году, Лида, Лиза, Маша, Зина, Тамара, Валя) и два мальчика (Андрей и Коля).

Жизнь многодетной семьи была сложной. Нехватка продовольствия, антисанитария и это при том, что в роду Иващиченко лодырей не было. Старшие помогали родителям, а младшие, как могли, старшим. Сплочённость и взаимовыручка служили фундаментом семьи моей мамы. Но с вторжением немецко-фашистских захватчиков на пределы Родины, этот фундамент дал трещину – многочисленных родных разбросало по бескрайним просторам Советского Союза. Утешало одно – никто из братьев и сестёр не погиб на фронтах той страшной войны.

Радость от победы была недолгой. Сначала умер мамин отец, а спустя несколько лет и её мама, внося тона траура в новую, мирную жизнь.

Старшие сестры и брат уже создали свои семьи, в которых появились дети, а до сопливой девчонки дела никому не было. Мама была предоставлена сама себе и большую часть свободного времени проводила с мальчиками, играя с ними в футбол и «войнушку». Но о учёбе в школе и о домашних делах она, разумеется, никогда не забывала. В школе мама была хорошисткой и яркой активисткой, а дома вечно крайней. На неё родные регулярно выливали накопившуюся за трудный день злость и усталость. Мама плакала от обиды, но слёзы старалась никому не показывать.

Шло время.

Мама окончила школу и в том же году отгуляла на свадьбе второго брата.

Коля был стройным, красивым, остроумным, жизнерадостным и трудолюбивым. Он никогда не испытывал нехватки женского внимания. За Колей охотились многие девушки, но выбрал он почему-то Зину.

Зина не отличалась изысканной красотой, утончённым вкусом и добродушной весёлостью – обычная деревенская девушка, не брезгавшая никакой работой. Но её лицо притягивало внимание. Особенно глаза и улыбка, вернее её отсутствие. Тёмные, большие, умные глаза казались злыми. А редко появляющаяся улыбка только подчёркивала злость. (Я, например, ни разу не видел тётю Зину смеющейся. Нет, не улыбающейся, а именно смеющейся).

Когда в родительском доме появилась жена брата, мама как-то сразу стала лишней. Словесные перепалки с молодой хозяйкой делали её жизнь невыносимой.

Мама не раз просила брата:

– Коля, поговори с женой. Её придирки сведут меня с ума. Всё, что я делаю, ей не нравится.

Но Коля отвечал:

– Валя, не плачь. Зина правильно говорит, и ты должна выполнять и уважать её требования. А так же не забывай, что находишься в НАШЕМ доме и кушаешь НАШ хлеб!

«Конечно же братка прав!» – думала мама и решила как можно реже бывать в отцовском доме. Она жила недолго то у одной сестры, то у другой, которые вышли замуж, но из Киргизии не уехали. Мама ухаживала за детьми сестёр, при этом, как и любая девушка на выданье, мечтая о своих.

2.

На большеглазую красавицу с длинными, по пояс, жгуче-чёрными волосами обратил внимание стройный, худощавый ленинградец, приехавший во Фрунзе в командировку. Маме тоже понравился весёлый, милый парень, который бы всего на пару лет старше ее. Они стали встречаться, посещая кино и музеи. Спустя некоторое время их свидания перестали быть тайной.

В один из вечеров Николай отозвал в сторону от мамы её ухажёра и о чём-то долго беседовал с ним. Разговор напоминал встречу давно знакомых людей с периодическим рукопожатием и похлопыванием друг друга по плечам. Мама, стоя поодаль, волновалась, что брат запретит ей встречаться с понравившимся молодым человеком. Но этого не произошло.

Лишь через несколько дней Коля начал разговор о ленинградце:

– Валя, а скажи мне, нравится ли тебе Сергей?

Мама от бестактного вопроса пыхнула краской и отвела взор красивых, карих глаз в сторону, ища в кустах сирени ответ на вопрос брата. Даже себе юная девушка боялась признаться в том, какие нежные чувства зарождаются в ее сердце к образованному парню из интеллигентной семьи.

– Вижу, вижу, что люб тебе ленинградец, – продолжал весёлым тоном брат.

Неловкость сестры даже вызвала на Колином лице улыбку. Но он тут же осёкся, понимая, что разговор невесёлый.

Очень грубо и резко Коля сказал:

– Вот и уезжай в Ленинград! Ты здесь никому не нужна, а Сергей согласен взять тебя в жёны.

От этих слов мама поперхнулась глотком воздуха, словно её больно ударили в грудь, а на глазах появились слёзы.

После такого «удара под дых» маме ничего не оставалось делать, как уехать в город на Неве с милым, но малознакомым человеком, не успев понять, что же она испытывает – любовь или простое любопытство к неординарной личности.

3.

«Северная Пальмира» встретила уроженку среднеазиатских широт влажной прохладой и красотой монументальных зданий.

«Я определённо добьюсь здесь успеха и стану самой счастливой,» – с улыбкой на лице думала мама, стоя у парадной пятиэтажного дома на Садовой и держа за руку Сергея, моего будущего отца.

Но успех и счастье не спешили приходить.

Живя втроём в одной двадцатиметровой комнате, разделённой фанерной перегородкой надвое, мама регулярно выслушивала недовольства свекрови, а выйдя в коридор, и соседей по коммунальной квартире. От несправедливых придилок мама начинала замыкаться в себе, все реже на ее милом лице появлялась красивейшая улыбка и ямочки на щеках.

Но так вечно продолжаться не могло! Чтобы как можно реже бывать дома, мама поступила на курсы бухгалтеров и, окончив их, устроилась на работу по только что обретенной специальности на «ЛАО» (ленинградское адмиралтейское объединение). Разумеется, свекрови это было не по нраву.

4.

Тамара Борисовна Пущина была невысокой, худощавой женщиной со склочным характером и аристократическими чертами лица (заострённый нос и подбородок, уверенный взгляд красивых зелёных глаз, аккуратные уши). Она считала себя родственницей графа Пущина (по некоторым данным так оно и было) и поэтому пренебрежительно относилась к простолюдинам.

Тамара Борисовна всячески убеждала сына в неправильном выборе супруги. Но мой отец не прислушивался к словам своей матери и старался поддерживать молодую жену во всём.

5.

В то время папа работал водителем в засекреченном конструкторском бюро и к обеду появлялся дома в форме лейтенанта неизвестного рода войск, подъезжая к парадной на чёрной «Чайке» начальника.

Конечно же, имея красивую внешность, машину правительственного уровня и отлично сидящую военную форму, папа притягивал взгляды женщин. Поэтому ему не составляло труда обольщать доверчивых девиц и заниматься с ними амурными делами на их же территории. Мама догадывалась о любовных похождениях мужа и не раз говорила ему о своих догадках. Но отцу удавалось выкручиваться, делая из жены виноватую, и продолжать разгульную жизнь.

Весёлые компании, рестораны и распутные женщины приучили папу к выпивке. И прийдя домой в подпитии, он стал часто кулаками доказывать жене свою правду.

Даже рождение сына, в середине сентября 1960 года, не избавило новоиспечённого папашу от применения силы и пагубного пристрастия к «зелёному змию». Наоборот, появление ребёнка только усугубило пьянство и рукоприкладство.

6.

Мой брат Саша родился с патологией. В его маленьких почках врачи обнаружили совершенно немаленькие камни. Прогнозы на выздоровление были неутешительные. Но мама

верила, что сынок поправится и прилагала к этому максимум усилий, жертвуя своим здоровьем.

Мама устроилась на вторую работу и, экономя на себе (не доедая и не досыпая), откладывала скудные средства для отправки сына в здравницы Кавказа. Надеяться на мужа и свекровь она не могла.

За два мучительных года мама осунулась и сильно повзрослела. В её глазах читались усталость и страх. Она боялась, что первенец может не вынести медикаментозного лечения и поэтому стала просить помощи у Бога. Тайные, скорбные мольбы были услышаны, и Саша благополучно выздоровел. Но на голове у мамы осталась память о всех тех бессонных ночах в виде первых прядей седых волос.

7.

Казалось, всё начинает налаживаться. В глазах у заботливой матери стал вновь появляться «огонёк» жизненного задора, а сама жизнь обретала смысл.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.